

попытался перевязать ему ногу, но для этого надо было разрезать штанину, он воспротивился этому; повязка же поверх штанов ничего не дала, штанина наполнилась кровью. Вдруг резко возросла интенсивность стрельбы танков. Я оставил Виктора, прополз вперед несколько метров и вдруг почувствовал удар в голень левой ноги и в лоб над правой бровью. Кровь потекла по лицу и стала капать с кончика носа в снег, образуя воронку — я лежал лицом вниз. Вдруг услышал, что танк рядом. Чуть приоткрыл глаз, увидел его метрах в десяти с открытым люком из которого торчала голова немца в черном шлеме. Он что-то сказал механику, тот повернул башню влево и сделал два выстрела — я слышал звон выскакивающих гильз — и медленно поехал мимо меня.

Прошло полчаса. Танки ушли. Зашевелились оставшиеся в живых. Я приподнялся, стоя на левую ногу было больно, в сапоге, ниже колена была дырка как от фасоли, кровь текла в сапог. «Опять осколок — подумал я — хорошо хоть не пуля, был бы без ноги».

Подошел к Виктору, он лежал вниз лицом, очень бледный. Я сказал ему, что тоже ранен, но перевязать нечем. Ниже по оврагу, шагах в пятидесяти от нас лежали две убитые лошади. Они были запряжены в сани и так, в упряжи, приняли смерть. На одних санях лежало сено и солдатские одеяла. Я помог Виктору взобраться на сани и лечь, укрыл его одеялом, лег и сам рядом, укрылся и мы стали ждать, что будет дальше.

Наш командир был убит, а к нам подошел незнакомый лейтенант и спросил чего лежим, ответили, что раненые, перевязать нас некому и нечем. Узнав, что я ранен в ногу, он предложил обменять мой мокрый от крови сапог на сухие и теплые валенки. Я согласился. Он быстренько снял с меня сапоги, перемотал сухим концом портянки, сделал из сена стельки и надел валенки на меня. «Вот добрый